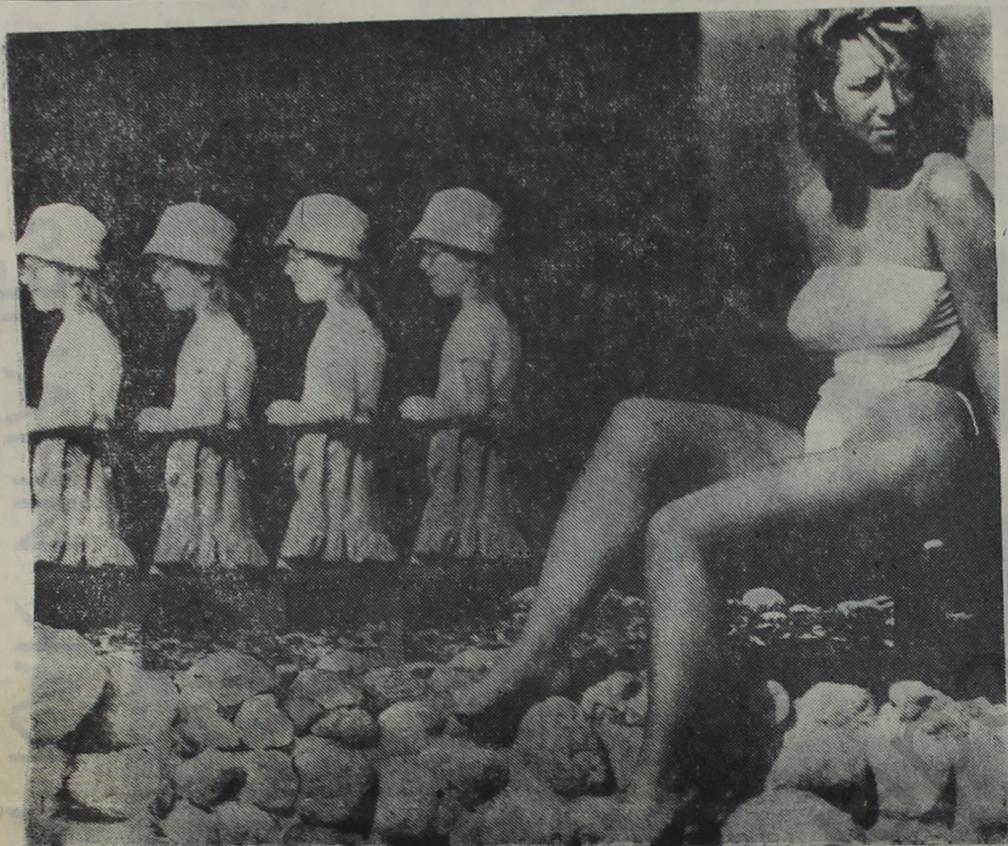

Евраз

Октябрь—ноябрь 1990
Цена в Ленинграде
50 коп.

№ 001

СЕЙЧАС в нашей родной и широкой, отдельно взятой стране вряд ли найдется редактор, который рискнул бы сказать, что его издание не является свободным и независимым. Ой, плохо бы ему стало.

Мы тоже могли бы объявить себя самой свободной газетой, опубликовав какую-нибудь причудливую политическую платформу или репродукцию картины «Ельцин в мешке».

— Нет, — твердо сказали нам наши издатели — молодежное агентство «МИГ-90».

— Ну, совсем без политики невозможно, — сказали мы издателям.

— Без с вами, — сказали издатели, — но только в меру.

Главная же наша тема — это милосердие. Ко всем. Милосердие к Собчаку, милосердие к партии кооператорам, милосердие к Горбачеву. И, безусловно, милосердие к красивым женщинам, которые, как нам кажется, подвергаются в нашей стране наибольшему угнетению. Мы обещаем, что будем не покладая рук бороться за их права.

За право не работать в литейном цеху.

За право не ездить в общественном транспорте.

За право просыпаться, когда захочется.

За право тратить деньги, не считая.

За нашу и вашу красивую жизнь!

В НОМЕРЕ:

Человек необычной профессии, победитель конкурса фотоэротики рассказывает, легко ли снимать обнаженку. «Ужасно жарко от этих ламп» — говорит его модель Тая, 21 год.
СЕКСМИССИЯ АЛЕКСЕЯ КОЗЛОВА на стр. 8

Однажды по привычке идиотской стал сочинять стихи Иосиф Бродский И написал опять Ну, гениально, блядь И так писал всегда Иосиф Бродский И. Бродский.
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ на стр. 6

ВИКА ИВЧЕНКО. ЗАПОМНИТЕ ЭТО ИМЯ на стр. 2

Собчак думает. Борода Ходырева. Салье в буфете. Эти и другие темы в нашей постоянной рубрике
ИЗ ЖИЗНИ НАРДЕПОВ И ДЕПУТАНОК на стр. 5

Памяти Венички Ерофеева

«...Слопала-таки поганая, гутнивая, родимая матушка Россия, как чужка своего поросенка»

А. Блок. Из дневника. ЖИЗНЬ утекает, как кровь из вены в воду. Не больно, не страшно, но прозрачно вокруг становится мутным и мутным.

Я ведь даже не знал его, не видел ни разу. Впрочем, как же не знал — знал, конечно, как любой из нас: Веничка, автор бессмертного коктейля «Слеза комсомолки», Вергилий росейского пьянства... Легенды, апокрифы — Веничка... Нету Венички.

Это не он — это уже мы хрипим через оставленную в горле трубочку, это наша речь навеки, намертво схвачена болезнью, и нет от нее выхода, кроме туда.

Уходят живые, как-то стороной, мимо: ушел Борис Вахтин, Арсений Тарковский, теперь вот — Венедикт Ерофеев. Где-то бродит, всплывая иногда, замечательный Олег Григорьев, живет назло, как мало кто из окружающих нас, юным мальчиком на эстраде — седой Уфлянд... Много ли их еще — живых по-настоящему, на всю катушку?

И дальше. Много свободно места в мартирологе российской поэзии. И не страшно, не больно, а только мутно и мутно вокруг...

Д. СИНОЧКИН

ПРИНЦЕССА И САНТЕХНИК

ЧТО можно ожидать от имен В. Пичул—М. Хмелик — Н. Негода в титрах кинофильма и названия, сочетающего эрой южных ночей с разухабистостью шлягера («В городе Сочи темные ночи»)? Дрaму из жизни портовых проституток? Но действие фильма разворачивается зимой, как правило, в светлое время суток и, в основном, гораздо севернее Сочи. Сексуальная сфера проницательно отчуждена от героев в серию колоссальных фото-«ню», а ля «Плейбой», намертво приклеенных к стенам комнаты персонажа-фотографа. Попробуй — оторви! Ломаю стереотип, сформированный «Маленькой Верой», В. Пичул и М. Хмелик снимают чуть ли не автопародию, в которой житейские неурядицы трактуются в духе анекдота абсурда (крышу ветром с морга сорвало и т. д.). Замысел достойный, требующий от авторов мужества, а от зрителей — синхронности к (не совсем удачному) фильму.

Во-первых, отсутствует Наталья Негода, хотя три четверти времени фильма она на экране. Объясню столь странное явление. Почему первый фильм трижды «Маленькая Вера» произвел такую сенсацию; вызвал такое возмущение и получил признание на мировом уровне? Конечно, не из-за концентрации «чернухи» — на фоне всего прочего фильм смотрелся, как оптимистическая трагедия. И не из-за «американской» уверенности режиссуры, доселе действительно невиданной. И не из-за пресловутой сцены — ничего в ней особенного нет. Все дело было в Наталье Негоде. Впервые на экране появилась свободная актриса, сознающая и не подавляющая чувственную привлекательность своего тела. Тела (совсем необязательно раздетого) катастрофически не хватало на советском экране. Успех фильмов никак не

был связан со способностью доставлять зрителю особое «наслаждение», позволять ему проецировать свое «я» на актера, для чего необходима особая актерская чувственная энергетика (об этом писал два года назад киновед Михаил Ямпольский в статье с красноречивым названием «Кино без кино»). Все это появилось с Негодой. Естественно, ее надо было соответствующим образом «подать». Ну что же, ее эффектное появление в «Вере» не уступало сенсационным появлениям в 1950-е годы в американском и французском кино Мэрилин Монро и Бриджит Бардо, а если брать исходный уровень, то и превосходило их по взрывному потенциалу. Вспомните покачивающиеся в такт музыки ноги, движение камеры вверх, полосатую блузку, жевательную резинку, наглые глаза, улыбку ожидания. И все это — в умело созданной раскатанной предгрозовой атмосфере танцплощадки, под перекрестным огнем взглядов и музыки. Так появляются звезды. Чтобы отказаться от эксплуатации такого имиджа, требовалось актерское и режиссерское мужество. Замечу, в скобках, что особое обаяние Негоды было замечено еще до «Веры» и безнадежно загнано в стереотипы советского кино Юрием Карой в «Завтра была война». Не будь Василия Пичула, Негода могла бы играть одну за другой Зиночек. Так что спасибо Пичулу!

Итак, в «Ночах» Наталья Негода вслед за авторами фильма отказывается от связанного с ней комплекса представлений. И буквально исчезает, чуть ли ни силой загоняет внутрь, прячет свою свободу и чувственное обаяние. Этаким зажатым синим чулок, в очках и шерстяной фуфайке, ко-

(Продолжение на стр. 3)

Езрас — человек божий

КОГДА в стране наконец догадались, что церковь учит не лжи и лицемерию, а духовности и вере, то как горох посыпались газетно-журнальные публикации и телевизионные репортажи о священнослужителях. И мы были поражены, увидев вопреки затверженному стереотипу о хитром и жадном попе, греющем руки на невежестве некоторых остальных соотечественников — культуру мысли и слова, колоссальные знания, терпимость к иному мировоззрению, деликатность, настоящую интеллигентность, наконец...

Но все же торопясь на встречу с отцом Езрасом, настоятелем церкви Святого Воскресенья, паствырем Ленинградской армянской религиозной общины, я прежде всего ждала «богоугодных» благочинности и благонамеренности, чуть отстраненного взгляда и отрешенности от «сует мирских». Однако первое знакомство оказалось своеобразным: господин Езрас поздоровался и тут же, извинившись, умчался в сторону армянского кладбища. О рясе ничто не напоминало — шустрый парень в черной рубашке никак не походил на смиренного «божьего» человека...

...Он проводит меня в закуток храма, куда беспрестанно входят армянские ребята — в церкви Святого Воскресенья, бывшей мастерской скульптора Винчука, переданной в октябре 1988 года во владение Армянской общины, до сих пор идет ремонт. Но каждую субботу и воскресенье прихожане идут в церковь на молитву. Здесь

(Продолжение на стр. 7)

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.

Библиотека Международного Мемориала